

ЖИЗНЕННО-ПРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КАК ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обсуждая предложенную тему, нельзя не зафиксировать внимание на двух важнейших государственных документах, утвержденных Указами Президента Российской Федерации: «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022) и «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2023). В Концепции Россия провозглашена «государством-цивилизацией».

О цивилизационном феномене нашего отечества, каждый по-своему, писали Н. Данилевский, К. Леонтьев, Щ. Шпенглер, А. Тойнби, но в документе такого уровня эта формулировка прозвучала впервые. В Концепции вопросы культуры не были специально акцентированы, но самобытность любой цивилизации естественным образом устанавливается и подтверждается ее духовной традицией. Определяя особое положение России как «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», документ не просто постулирует некую максиму, но исходит из объективных историко-культурных реалий и констант. Наше отечество – многоязыковое, многоконфессиональное государство, народы которого, не подавляя национального сознания и образа жизни, составляют единую цивилизационную общность, «цивилизацию цивилизаций» (С. Караганов) – уникальную открытую, многоэтническую, поликультурную. Расул Гамзатов говорил: «В Дагестане я аварец, в России – дагестанец, за ее пределами – русский». Носителями нашей цивилизационной идентичности выступают не только русские, принадлежность к ней определяется не кровью, а укорененностью в русской культурной традиции.

Заявив об отказе интегрироваться в глобализационные процессы и проекты с безусловным доминированием Запада, оговорив в Концепции свою самостоятельность, Россия с полным уважением полагает культурно-цивилизационное многообразие всех народов и их безусловное право определять свою судьбу. Наша страна, будучи давним экзистенциальным оппонентом Запада, не отрицает своей европейскости.

Надо сразу же оговорить нетождественность Европы и Запада. Современная Европа, заключенная в рамки Европейского Союза идентифицирующая себя с Западом, далеко не вся Европа, равно как Запад – синтез европейской и американской идентичности, в котором американская составляющая играет главенствующую роль. Россия – часть восточно-христианской цивилизации, носительница ее лучших культурных традиций. Вопрос, постоянно возбуждавшийся Д.С. Лихачевым «что мы взяли у других и что мы сами дали» неизменно получал у него вполне определенный ответ: для своего времени славянские культуры в известной своей части представляли собой итоги общеевропейского развития. А способность русской культуры, заимствуя многое, оставаться самой собой, только подтверждает ее мощь и самостоятельность. В своей университетской актовой лекции 19 мая 1993 г. Дмитрий Сергеевич говорил о Петербурге как городе не просто европейском, но «русско-европейском»: «Он самый русский среди русских, и самый европейский среди европейских городов!»¹.

С истоков и до наших дней русская культура была диалогична по способу своего существования, обращалась к традициям мировой культуры, принимала их и творчески переуплотняла в решении своих задач (в отечественной философской литературе давно уже была отмечена неслучайность широкого и разнопланового обсуждения у нас проблемы диалога культур). Сколько безоглядно открытых признаний в неуёмном

¹ Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 207.

желании русских войти в общение со всем миром: «всемирная отзывчивость Пушкина», «у русских две родины: наша Русь и Европа» (Ф. Достоевский; «мы любим все», «нам внятно все», «мы помним все» (А. Блок); «тоска по мировой культуре» (О. Мандельштам). Эту особенность русского человека постоянно полагать, что где-то на стороне есть что-то ему недоступное, но непременно интересное и важное, И. Бродский не без юмора назвал «комплексом неполноценности», который, по его мнению, «есть великолепная вещь на каждом этапе существования»².

С особой очевидностью общность человеческой истории открылась в минувшем веке, когда впервые появилась возможность охватить единым взором культуры Большого времени и Большого пространства, хотя идея единства мира прокладывала себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. В контексте современности обнаруживаются скрытые смыслы прошлого («вчерашний день еще не наступил» О. Мандельштам). Вопрошающая мысль исследователя, впрочем, как и любого человека, непредвзято и живо обращенного к минувшему, обнаруживает в нем явления, пронизанные идеями защиты и утверждения человеческого в человеке, мечтами о преодолении хаоса, раздробленности бытия. Мы слышим живой человеческий голос в «мрачном» искусстве Средневековья и в художественных явлениях недавнего прошлого, привычно связанных в нашем сознании, прежде всего, с декоративностью формы, с конструктивной изобретательностью или разрушением эстетического канона. Ныне и в них мы переживаем утверждение красоты и света, либо трагическое постижение судеб современного человека и человечества.

Один из крупнейших историков XX века Арнольд Тойнби просто и точно определил «тягу» людей друг к другу, позволяющую при всех

² «За рубежом», 1991, № 46. С. 22.

страшных противоречиях времени существовать в едином мире как потребность пережить *«общую им человечность»*³ (курсив мой Г.П.).

Попытки унифицировать многообразие мирового развития (*одна культура, одна религия, одна философия*) провальны и губительны. Один из самых неудачных прогнозов XIX века на грядущий XX – предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для XX века. Ее острота не утрачена и с переходом в новое столетие. Чего стоит такая угроза цивилизованному человечеству как национализм и его чудовищное следствие – терроризм!

Планетарно осваивая мир, мы обнаруживаем *различия в явлениях внешне сходных и - смысловое единство в различиях*. Мировая культура строится на базовых, фундаментальных смысловых основаниях человеческого бытия, отражая их и, одновременно, участвуя в *порождении и закреплении* этих смыслов.

«Общая человечность» – вовсе не абстрактно-теоретическое понятие. Она конкретно воплощена в духе любви, заключенном в разных религиях, в фольклорных параллелях, в сущностной близости философских исканий, в легком пересечении искусством государственных границ. Человечность, воплощаемая, подтверждаемая и утверждаемая культурой, не четко очерченный теоретический термин. Скорее это концепт, в котором эмоциональный ореол не менее значим, чем понятийное умозаключение. В этой вполне *«определенной неопределенности»* – смысловое значение этого слова.

³ Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967, № 7. С. 177. Хочется процитировать (по памяти, но с гарантией за точность) «Дневник» Ф. Кафки: «Все хорошие люди Земли идут в ногу, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи». Эта фраза может быть развернута в большой философский текст, но, боюсь, что при этом она утратит смысловой простор, возможный именно в таком простодушном изложении.

При всем функциональном различии культурных явлений и, даже порой их непримиримой враждебности друг другу, очевидна *объединяющая* функция культуры (в отличие от экономической или политической жизни). В этой ее жизненно-нравственной направленности, пожалуй, одна из важнейших характерных особенностей русской культуры, ее национальное своеобразие .

В недавнем интервью профессор Петербургского Госуниверситета Игорь Евлампиев напомнил парадоксальный термин, предложенный для описания русского характера известным мыслителем русской эмиграции, православным священником Василием Зеньковским – «*мистический реализм*»⁴. В отличие от западного мировоззрения ориентированного на встроенность человека в материальный мир и его ценности, удовлетворенного своим положением и живущего ради удовольствия, человек русской культуры существует в горизонте духовных смыслов бытия, с верой в высшую действительность, с бесконечными поисками ответа на вопрос, ради чего он живет. Это душевное и духовное томление, конечно, несет в себе совершенно иное ценностное и смысловое содержание, чем обычное существование – даже вполне благополучное и комфортное.

Такую потребность соотносить миг с вечностью, человека со вселенной, мир малый и большой, переживание значительности всего происходящего Д.С. Лихачев отмечает уже у древнерусского человека, дом которого располагался красным углом на восток, а по смерти уложенного в могилу головой на запад, чтобы лицом встречал солнце. «... Все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека»⁵.

⁴ Евлампиев И. Россия и Запад: война миров // Аргументы недели. 2023, 3 39.С. 3.

⁵ Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 79.

Кто не помнит строчку из «Сумерек» Ф. Тютчева: «Все во мне и я во всём!»? Современный российский писатель Ф. Искандер завершает свои рассуждения о необходимости тайны в искусстве словами: «Но это тайна соприкосновения с вечностью, а не секрет изощренного мастера»⁶.

Конечно, тут же можно припомнить строку из знаменитого четверостишия англичанина В. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность...», но ни эта строка, ни самые многочисленные и разнообразные примеры сходства миропонимания и миропереживания художников и мыслителей разных стран не исключают своеобразия искусства русского, английского, японского... Если бы не было взаимоподобия культур, невозможны были бы их взаимовлияния, у одной культуры просто не было потребности заимствовать что-то у другой. Романисты Запада обращались к тем же нравственным проблемам, что и наши литераторы, но возможности художественного воплощения драматической противоречивости человека и его жизни нигде не были явлены с такой силой, глубиной, масштабностью как в русской литературе. Эта несомненная уникальность жизненно-нравственной силы русской культуры явственно осознается и переживается многими художниками мира.

Устами героя ранней новеллы «Тонио Крегер» Т. Манн называет русскую литературу «святой» и сам писатель такое отношение к ней проносит через всю свою жизнь. Читательский восторг и преклонение вызывают у нас великие литературы Англии, Германии, Франции, но «святая английская» или «святая французская» литература – неприносимые словосочетания.

Пытаясь вспомнить всех, кто оказал влияние на его жизнь и работу, Э. Хэмингуэй составляет длинные списки писателей, живописцев, композиторов разных эпох и стран – у них он учился «видеть, слышать,

⁶ Искандер Ф. Поэты и цари. М.: Правда, 1991. С. 62.

думать, чувствовать, писать». Однако обостренный интерес к нравственным задачам литературы, освоение возможностей воплотить на ее страницах сложнейший экзистенциальный мир, он связывает со школой русских писателей: «Сначала русские, а потом все остальные. Но долгое время только русские»⁷.

Жизненно-нравственное назначение искусства – постоянный сюжет размышлений русских художников в дневниках, письмах, порой в многостраничных трактатах – достаточно вспомнить «Что такое искусство?» Л. Толстого. Обсуждая проблемность искусства в статье «Три вопроса», из постоянно возникающих перед художником вопросах «что», «как» и «зачем» А. Блок особо выделяет третий. «Зачем?» «... Самый соблазнительный, самый опасный, но и *самый русский* (курсив мой – Г.П.) вопрос», где речь идет «о долге, о должном и не должном в искусстве, и «не об одном искусстве, а еще и о жизни»⁸.

Такой текст был бы совершенно естественным у Белинского или Добролюбова, но Блок публикует свою статью в 1908 г., когда идет упорный, настойчивый процесс артификации не только культуры, но и самой жизни, которая должна, согласно теургической идее, превратиться в некий художественный акт.

«Единство обымания», «единство ответственности» (М. Бахтин) искусства за жизнь, а жизни – за искусство – вот нравственное основание творчества. Художник и творчество – средоточие глубинных внешних и внутренних связей искусства и жизни. Искусство – *о жизни* и одновременно – само *есть жизнь*, безотносительно к тому в жизнеподобной или абстрактно-выразительной форме оно предстает. Творческий процесс есть жизнепроживание, конечно, особое, но непременно жизнепроживание, отражающее и воплощающее наш прежний экзистенциальный опыт и,

⁷ Хэмингуэй Э. Собр соч.: В 4-х т. М.: Художественная литература. 1982. Т. 4. С. 238.

⁸ Блок А. Об искусстве. М.: Искусство. 1980. С. 95, 96, 98.

одновременно, открывающее новые слои и уровни жизни. Вспомним М. Хайдеггера: бытие нельзя увидеть, его можно только *испытать*. Искусство и творчество открывают эту возможность. Микрокосм искусства неотделим от макрокосма жизни и мегакосма Мира.

Русская культура в высшей степени серьезна. Серьезна без назидательной угрюмости и натужной глубокомысленности – она любит шутку, иронию, «прикол» - Бахтин справедливо говорил об односторонней серьезности как характеристике догматических культур. Однако она ясно понимает важность и значительность своих задач в контексте целого. В первой фразе знаменитой речи А. Блока «О назначении поэта» звучат замечательные слова: «Веселое имя Пушкин»⁹. Чеховеды обратили внимание: ни в одном из 4,5 тысяч чеховских писем нет слова «творчество»: «нацарапал», «накарябал», «набросал» ... При почти полном отсутствии специальных искусствоведческих оценок, писатель использует широкий спектр «внеэстетических» понятий: честность, мужество, сострадание, искренность, цинизм, совесть, свобода, смелость, пошлость, робость ... И. Стравинский не выносит «расхожее» слово «гений»: «... Испытываю мучения, натываясь на него в жизнеописаниях»¹⁰. С полной убежденностью, неопровержимо удостоверенной собственным творчеством, А. Платонов призывает писать «не талантом, а человечностью – прямым чувством жизни»¹¹. Книга С. Слонимского о композиторском творчестве (ремесле!) начинается и завершается рассуждениями о нравственности, ее незыблемости, о губительности для музыканта этической индифферентности¹².

Сам художник и его жизнь выступают феноменами культуры. Удивительное интимно-близкое отношение русских людей к Пушкину.

⁹ Блок А. Об искусстве. С. 152.

¹⁰ Стравинский И.Ф. Диалоги. Л.: Наука. 1971. С. 217.

¹¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда. 1990. С. 10.

¹² Слонимский С.М. Мысли о композиторском ремесле. СПб.: Композитор. 2006. С. 3, 23.

Экстраординарное духовное воздействие личности Толстого на сознание современников. Чехов, воспринимаемый не только как автор текстов, но и как некий мир интеллигентности, вошедший в самую жизнь. Шостакович – моральный пророк, прожитая и явленная музыкой судьба которого – средоточие нашей общей судьбы. В русской культуре профессиональная роль и человек жизни нераздельны, при том, что его повседневное бытие далеко не всегда отвечают нормам «хорошего поведения».

Открыто и декларативно провозгласив в «Пророке» творчество как следование «гласу Бога», направляющего и управляющего поэтом, в следующем году, Пушкин пишет антиромантическое стихотворение «Пока не требует поэта ...». Художник понимается как «человек среди людей». Пока Аполлон «не требует поэта к священной жертве», может быть, «среди детей ничтожных мира» он «всех ничтожней». Поэтому ему открывается жизнь в тех глубинных смыслах и противоречиях, которые не разглядеть из заоблачных высей. Откровение дается («лишь божественный глагол до слуха чутко коснется, душа поэта вострепнется») не в силу положения внизу или наверху, а потому, что – Поэт. Человек жизни и человек творческий – неразделимы.

«Этот человек не потому был величайшим пианистом, что играл на рояле так, как он играл, а потому, что он был тем самым Рихтером, той личностью, для которой рояль лишь средство выразительности. Он гораздо крупнее понятий о рояле и, вообще, о музыке». Замечательно, что эти слова принадлежат ни философу, ни музыковеду, а коллеге – выдающему альтисту Юрию Башмету¹³.

Когда-то Д.С. Лихачев в одной из статей обронил слова «о стыдливости формы» в русском искусстве. В самом деле – мало «закрученных сюжетов», почти нет афористических фраз», обилия ярких

¹³ Московские новости. 19976 № 31. С. 4.

метафор. Кажется, этот эстетический аскетизм сильно корректируется абсолютным художественным совершенством Пушкина. Но вот ведь что – о мастерстве (потрясающем!) Пушкина как-то неловко говорить. Совсем в других измерениях живет его гений ...

Смысл искусства (во всяком случае – в русском его понимании) коротко и ясно сформулировал Блок в знаменитой уже цитированной пушкинской речи – «внести гармонию во внешний мир»¹⁴. Эта трудная работа определяет лишь вектор усилия. Задача, осуществление которой никогда невозможно решить полностью, требует «всего человека», а не только «мастера стиля». В этом целостном процессе творчества – жизнепроживания неразрывны отношения художника к миру и к самому себе, ответственность перед искусством и жизнью, сотворение произведения и собственной судьбы, следование неизбежной логике истории и единоборство с ее обстоятельствами ...

Возможно, в этих словах слишком много нравственных наставлений «извне искусства», в них явно присутствует доминанта этического пафоса творчества («мессианистического безумия», как выразился один московский философ). Возможно. Но абсолют совести породил великую русскую литературу, отнесенную знаменитым французским поэтом, критиком, моралистом Полем Верленом к «трем чудесам света»: античность, европейское Возрождение, русская литература XIX века¹⁵.

Сохранение, укрепление, осмысление житнетворческой традиции русской культуры значимо не только для понимания национального своеобразия отечественного бытия, но и как важный шаг в постижении человека и его мира. Мира – не только в приватном, но и в самом широком общечеловеческом смысле. В этом его толковании нет никакого цивилизационного высокомерия по отношению к другим культурам.

¹⁴ Блок А. Об искусстве. С . 154.

¹⁵ См.: Иванов Г. Собр. Соч. В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т.3. С. 456.

Что еще важно. Традиция не тождественна традиционализму, правоверному воспроизведению прошлого. Она всегда диалогична, всегда избирательна, вызвана из бесконечного по своим потенциальным возможностям минувшего новыми творческими задачами, потребностями настоящего и будущего.

Однако и наше прошлое требует куда более глубокого понимания. Сегодня актуальнее, чем в момент написания, звучат слова замечательного русского мыслителя Г.П. Федотова: «Культура творится в исторической жизни народа. Не может убогий, провинциальный исторический процесс создать высокой культуры. Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны - ущербленная, изувеченная, но все же великая история. Эту историю предстоит написать заново» («Лицо России», 1918 г.)¹⁶.

Осмысление наших традиций сегодня – жизненно важная задача, далеко выходящая за границы искусства.

¹⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: Софияб 1991. Т. 1. С. 44.